М.С. Коляда*

НРАВЫ ЯПОНСКИХ ВОИНОВ
В «СОБРАНИИ СТАРОДАВНИХ ПОВЕСТЕЙ»

«Собрание стародавних повестей» («*Кондзяку моногатари сю:*», XII в.) – крупнейший японский сборник поучительных рассказов *сэцува*, содержащий более тысячи рассказов. В сборник вошли рассказы как «буддийские», так и «светские», тематика их разнообразна. 25-ый свиток «Собрания» целиком отведен рассказам о воинах: в свиток входили четырнадцать рассказов, текст двух из которых отсутствует. В приложении к статье публикуется перевод семи рассказов из свитка и пересказ остальных с целью дать читателю представление о 25-ом свитке «*Кондзяку моногатари сю:*» как об источнике данных о нравах японского воинского сословия и образе идеального воина XII в.

Ключевые слова: сэцува, японская литература, японские воины, *Кондзяку моногатари*

Morals and manners of Japanese warriors in Konjaku Monogatari-shu.
MARIA S. KOLYADA (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

«*Konjaku Monogatari-shu*» (Anthology of tales from the past) of the XIIth century is the largest Japanese collection of didactic tales *setsuwa*. It contains more than one thousand stories, including «Buddhist» and «mundane» tales on various topics. Its 25th book is entirely devoted to warriors and consists of fourteen stories, the text of two of which is now missing. The annex to this article presents the translation of seven stories into Russian with retelling of the rest in order to give the readers an idea of the 25th book of «*Konjaku Monogatari-shu*» as a source of information on the morals and manners of the Japanese military class and the image of an ideal warrior in the XIIth century.

Keywords: *setsuwa* tales, Japanese literature, Japanese warriors, *Konjaku Monogatari-shu*

Сэцува – жанр пограничный. Корни его – в проповеднической традиции, он многое вобрал в себя от фольклора и мифов, но не только. Поскольку средневековые сборники создавались высокообразованными людьми, имеющими огромный культурный багаж, среди источников

рассказов *сэцува* есть и китайские труды, и военные повести, и даже, в определенном смысле, поэтические антологии (см.: [11]), а некоторые сборники не только обладают сложной и продуманной структурой, но и носят отчетливо авторский характер. В *сэцува* сплетаются черты

* КОЛЯДА Мария Сергеевна, научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: warriormary@yandex.ru

© Коляда М.С., 2019

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-011-00558.

литературы, нацеленной на неподготовленного читателя, на читателя-реципиента, и литературы, которая ориентируется на читателя-сотворца, способного, оперируя собственным знанием книжной традиции, уловить тонкие намеки и воспринять смысл, вынесенный за пределы конкретного текста (см.: [15, р. 124, 135]). Литература *сэцува* находится как раз на той грани, где религиозные догмы, философские принципы и теоретические рассуждения входят в соприкосновение с действительностью, потому для культуролога этот жанр представляет особенный интерес. Здесь можно увидеть, каким образом рассказчик поясняет определенные идеи примерами «из жизни», а затем, увидев сборник как единое целое, – попытаться угадать, какой замысел стоял за этими примерами или, скорее, над ними. Помимо этого, сборники *сэцува* не чуждаются разных тем и разных героев – в выборе персонажей этот жанр совершенно не стеснен.

«*Кондзяку моногатари сю:*» в полной мере свойственно это многообразие. В сборник, который содержит в себе более тысячи рассказов, входят истории о событиях, происходящих в разных странах – в Индии, в Китае и в Японии, рассказы и религиозные и «мирские», многообразные по тематике. Герои-воины появляются в разных разделах «*Кондзяку*», но 25-й свиток, один из посвященных «мирским нравам», отведен им целиком. Образ воина характеризуется здесь с разных сторон – человек, наследственным занятием которого является военное дело, чей жизненный путь связан с луком и конем, еще не «феодалный лорд», но уже человек, встроенный в систему многоступенчатых вассальных связей. Историк может увидеть в рассказах «*Кондзяку*» характерные черты военной структуры эпохи Хэйан, в которой наряду с единой государственной системой призыва существовала и система личного подчинения одних воинов другим [14, р. 179]. Видно, как сочетались эти системы и как при случае знатный воин, которому правительство поручает справиться с каким-либо мятежом, использует ресурсы из обоих источников. За подавление мятежа такой полководец в качестве награды получал продвижение в рангах и выгодные должности.

Но больше информации рассказы предоставляют об этике воинов. Здесь можно видеть уже черты идеала, который будет развиваться в дальнейшем и расцветет во всей своей полноте в эпоху Камакура, когда воинская тематика и

свойственные воинам ценности прочно войдут во все сферы культурного творчества. В «*Кондзяку*» еще нет в такой степени явного конструирования образа идеального воина по потребностям времени. Но сам выбор сюжетов и их героев, выбор качеств, приписываемых персонажам, говорит о многом. Воин «*Стародавних повестей*» – не просто внушающая страх своей жестокостью личность, а личность, скорее, пугающая своим величием, почти нечеловеческими масштабами. Так, в рассказе 25–7 разбойник, столкнувшийся с одним из величайших воинов своего времени, пораженный его силой духа и самообладанием, самой аурой, окружающей его, сомневается – а не бога ли, не демона ли повстречал? Воин «*Стародавних повестей*» – человек, удел которого – «Путь лука и стрелы». Это выражение обозначало саму профессию воина, но в то же время, вероятно, уже тогда заключало в себе некоторые этические смыслы. И «*Кондзяку*» рассказывает, какими были воины: храбрыми и жестокими, но жестокими лишь настолько, насколько обязывает их Путь лука и стрелы, предписывающий добиваться успеха и разрешающий ради него пойти на многое. Людьюми с презрением к смерти, с пониманием своего долга, с чуткими сердцами. Особенно в этом смысле прекрасен рассказ 25–12, демонстрирующий настолько высокий уровень взаимопонимания между двумя великими воинами, что им не требуется слов. В «*Кондзяку*» как черты, присущие настоящему воину, изображаются милосердие в мирной жизни, предусмотрительность, чуткость, верность сыновнему долгу.

Источников большинства рассказов 25-го свитка исследователи пока не установили. Некоторые сюжеты заимствовались затем в позднейшие сборники *сэцува* – для этого жанра вообще характерны многочисленные пересечения: иногда сложно сказать, какой из сборников послужил источником, иногда – определить, что считать одним и тем же рассказом. Кроме того, в контексте разных сборников один и тот же рассказ может приобретать различные оттенки смысла. Источники для рассказов 25–1, 25–13 и, вероятно, 25–14, отсутствующего, ясны – это воинские повести, *гунки моногатари*. Первый рассказ основан на «Записях о Масакадо» («*Сё:монки*»), тринадцатый – на «Сказании о земле Муцу» («*Муцуваки*»). В «*Кондзяку*» дается краткий пересказ этих произведений, местами не лишенный драматичности, хотя оценка событий может отличаться от таковой в пове-

сти. Вообще, сюжеты эти появляются и в позднейших сборниках *сэцува* (например, событиям войны в Муцу посвящен рассказ 6–17 в «Дзиккинсё:»). Мятеж Масакадо в 939–940 гг., война в Муцу (Девятилетняя война, 1051–1062 гг.) и мятеж Сумитомо, о котором речь идет во втором рассказе 25-го свитка, случившийся в те же годы, что и бунт Масакадо, – события, глубоко потрясшие японское сознание; в дальнейшем не в одном тексте можно увидеть упоминания о них. Так, в самом начале «Повести о доме Тайра» перечисляются мятежники в Китае и в Японии: «А в пору не очень давнюю у нас, в родной стране, был Масакадо в годы Сёхё, был Сумитомо в годы Тэнгё <...> и множество великое других... Каждый на свой лад гордыней отличался и жестокостью» [6, с. 28]. Стоит отметить, что оценка событиям, столь сильно отпечатавшимся в памяти культуры, дается разная: если в «Сё:монки» Масакадо – воин, отмеченный многими доблестями, скорее трагический персонаж, чем злодей, то в «Кондзяку» рассказчик относится к нему куда суровее, специально подчеркивая и гиперболизируя его отрицательные черты.

Известному историческому событию посвящен еще один рассказ (25–9): речь о мятеже Тайра-но Тадацунэ (1028–1031 гг.). Другие же рассказы описывают более частные стычки или иные интересные случаи. Однако основные герои почти все – лица не просто исторические, а хорошо узнаваемые: знаменитые воины, слава которых не ограничивалась только их временем, а сюжеты о них появлялись в сборниках поучительных рассказов снова и снова. В одном свитке «Кондзяку» разворачивается целая семейная история – здесь есть истории о трех братьях-Минамото – Ёримицу, Ёритике и Ёринобу, о сыне Ёринобу Ёриёси – сначала в юности, затем – во времена войны в Муцу, тут же упоминаются сыновья Ёриёси – Ёсиизэ и Ёсицуна, а последний рассказ свитка, как следует из заглавия, должен был быть посвящен уже войне Ёсиизэ с потомками соратников отца. Немало героев принадлежат к другой воинской семье, одной из ветвей рода Тайра. Причем любопытно, что свиток открывается рассказом о мятеже Масакадо, в подавлении которого участвовали родоначальники обеих семей. Но вне зависимости от наличия исторической подоплеки, рассказы в свитке подобраны очень яркие, хорошо демонстрирующие нравы воинов. Может быть, именно поэтому 25-ый свиток одним из первых

стал объектом изучения европейских ученых: посвященное ему исследование в 1878 г. опубликовал на итальянском Лодовико Ночентини, в то время, когда Европа еще только начинала по-настоящему прикасаться к японской культуре, а японоведение еще только зарождалось.

Принято считать, что структурно «Кондзяку» устроено по аналогии с *рэнга*, поэзией «сцепленных строф»¹, то есть каждые два рассказа, соседствующие друг с другом, объединены некой общей темой (эту концепцию создал японский исследователь Кунисаки Фумимаро [4]). Помимо этого, в некоторых рассказах есть вывод повествователя, «мораль», приписанная к сюжету, которая подчас может показаться странной на взгляд современного читателя. Однако каждый рассказ можно прочесть и в иной перспективе. Г.Г. Свиридов предлагает рассматривать структуру «Кондзяку» согласно эстетическому принципу «общее-особенное-единичное», где «общее» – буддийская идея и многообразие жизни, «особенное» – воплощение этой идеи на уровне отдельных сфер жизни, а «единичное» – на уровне конкретного рассказа [8, с. 109–110].

Как могла быть воплощена эта схема в случае с 25-ым, «мирским» свитком, в котором религиозная подоплека представлена, казалось бы, слабо?

Как нам кажется, «мирской» свиток все же имеет и религиозное значение – в этом можно согласиться с Г.Г. Свиридовым. Многообразие сюжетов «Кондзяку» могло определяться и целями создания сборника: если он был создан ради того, чтобы рассказать государю как можно больше в том числе и о его стране², это естественно. Впрочем, будь «Кондзяку» хрестоматией для проповедников – и тогда богатство сюжетов объяснимо. Предполагая существование религиозной подоплеки у рассказов на светские темы, нужно учитывать особенности аудитории: в XII в. читатель воспринимал даже «мирские» рассказы через призму определенных буддийских установок, он знал, что в целом, оперируя иными «аргументами», основанными на здравом смысле, эти рассказы ведут к тому же, к чему и проповеди, и нацелены на то, чтобы помочь человеку прожить его жизнь

¹ В таких стихотворениях, сочиняемых несколькими поэтами, каждая строфа читается с предыдущей или следующей строфой, образуя два разных пятистишия-*танка*.

² Об этой гипотезе, как и о других теориях относительно обстоятельств создания сборника, см.: [9].

лучше [15, р. 129]. При этом для рассказчика не было необходимости проговаривать полностью все сопутствующие поучительные смыслы: слушатель или читатель мог достроить их сам, опираясь на собственное знакомство с другими текстами и с традицией проповедей. Рискнем предложить нашу интерпретацию соотношения «общего» и «частного», религиозного и мирского в случае 25-го свитка.

Буддийская парадигма определяет взгляд на существующее положение вещей как на обусловленное действием закона воздаяния. В этом дискурсе воин рожден воином, поскольку такая его карма; кармой же определяются и другие обстоятельства человеческого существования. Может быть, поэтому в тоне рассказчика в «Кондзяку», как правило, нет осуждения воинской профессии (так было и в иных сборниках *сэцува*; исключение – печальное утверждение о том, что все, кто сражался, перерождаются в мире асуров). Заповедь ненасилия и воинский долг, обязующий убивать, существуют в разных кругах долга, словно параллельно, почти не пересекаясь (оправдание тому будет прямо сформулировано в «Дзиккинсё:», 10–75 (см.: [10, с. 81]). Для воинов существуют свои добродетели, которые делают воина человеком «достойным», «имеющим стыд», то есть честь. В XIII в. Ходзё Сигэтоки, составляя один из первых воинских этических компендиумов, будет много говорить о милосердии и нежелательности излишнего насилия, но это никак не соотносится в его рассуждениях с битвами. О сражениях он вообще скажет крайне мало, а ведь они были...

Воины в «Кондзяку» сражаются много, и при этом проявляют самые разные человеческие качества. Верность долгу, смекалка, чуткость, хитрость – и деяния подчас, на наш взгляд, страшные, которые не встречают никакого осуждения. Вероятно, осуждение проявляется тогда, когда в оценке ситуации главенствует не буддийская этика. Так, резко осуждается Масакадо – потому, что он пошел против небесного и земного порядка, восстав против власти государя. Здесь, возможно, играет роль и японское представление о природе государственной власти и единой династии. Но описывается это в том числе и в терминах китайской политической философии («кара Неба», «против воли Неба» и др.).

Общий буддийский смысл 25-го свитка, как нам кажется, можно прочесть следующим образом. Мир текуч, изменчив и многообразен. Этот

принцип иллюстрирует сама структура «Кондзяку», в которой нашлось место для историй о самых разных случаях, о самых разных проявлениях бытия. Мир многолик и пестр, и войны – часть этой пестроты. Путь воина – один из путей, которым сущее реализуется в этом иллюзорном мире, один из способов для закона воздаяния проявить свои закономерности. В то же время мир очень хрупок и нестоек, все в нем временно и мнимо – и слава, и сила, и радость, и горе. Лишь закон воздаяния здесь постоянен и неизбежен, одинаково властный над всеми, будь ты придворный, воин, монах или даже сам государь.

Мы уже писали о воинских рассказах в «Кондзяку», пытаюсь показать развитие воинской тематики в традиции средневековых сборников *сэцува* [10]. Здесь же представляем перевод избранных рассказов из 25-го свитка с пересказом остальных³.

³ Переводы свитка на английский язык см.: [13; 16].

Собрание стародавних повестей Свиток 25¹

*Перевод со старояпонского, пересказ и комментарии М.С. Коляды
под редакцией Н.Н. Трубниковой и А.Н. Мещерякова*

25–1. Рассказ о том, как Тайра-но Масакадо затеял мятеж и был за то казнен

[Пересказ воинского сказания «Записи о Масакадо» («Сё:монки», см.: [12, с. 29–86]). Воин Тайра-но Масакадо, потомок государя Камму, правившего с 781 по 806 гг., рассорился со своим родичем и живет, беспрерывно воюя. Затем, вмешавшись в один из чужих конфликтов, Масакадо со своими воинами захватывает власть в одной из земель и, осознавая, что уже совершил тяжкий грех, решает идти до конца и захватить прочие восточные земли, объявив себя новым государем (в то время как он, даже будучи государевым родом, не имел права наследовать престол). Некий пророк, говоря от лица божества Хатиман, подтверждает право Масакадо на трон. Масакадо одерживает несколько побед и пытается на востоке воссоздать столицу и государственные структуры. В 940 г. Тайра-но Садамори и Фудзивара-но Хидэсато, застав Масакадо в то время, когда большая часть его воинов была не при нем, наконец наносят мятежнику поражение и убивают его. Рассказчик сообщает, что посмертие Масакадо тяжкое – он терпит страшные муки.

В этом рассказе особенно примечательно, что на предупреждения брата о том, что престол государю даруется по воле Неба, Масакадо отвечает: «Для меня достаточно Пути лука и стрел. В нынешнем мире господином становится тот, кто одержит победу». Таким образом, он противопоставляет путь воина – Путь лука и стрел – пути Неба, и, кроме того, фактически утверждает возможность человека самому влиять на свою судьбу, своими силами изменяя свою жизнь. Любопытно также, что на самом деле японский престол отнюдь не всегда наследовался мирным путем: так, государь Тэмму (правивший в 673–686 гг.) пришел к власти с помощью войска].

25–2. Рассказ о том, как Фудзивара-но Сумитомо казнили за пиратство

[В краю Иё буйствует пират Фудзивара-но Сумитомо. Правительство отрядило на борьбу с ним Татибана-но Тооясу, который наносит Сумитомо поражение, пирата вместе с его сыном казнят, а головы их выставляют в столице. Государь тоже хочет взглянуть на головы и потому посылает художника из столичных воинов, Камори-но Ариками, тайком их нарисовать. Что тот и выполняет с большим талантом.

Пиратство во Внутреннем море было проблемой старой и распространенной – часто оно было связано с неурожайными годами. Сумитомо отличался тем, что ему удалось собрать очень большой флот и организовать крупную сеть подчиненных ему воинов. В 936 и 939 гг. правительству удалось договориться с Сумитомо, и он прекратил свои нападения (хотя в 939 г., когда он разорил несколько провинций, правительству приходилось еще и воевать с Масакадо). В 940 и 941 гг. двор продолжал войну с Сумитомо, пока в шестом месяце пират не был побежден и захвачен в плен, при участии Фудзивара-но Тадафуми с войском, набранным в провинциях Оми, Мино и Исэ и вассалами Тайра-но Садамори (см.: [14, р. 124–149]).

Этот мятеж был не менее громким событием, чем мятеж Масакадо. Причина, по которой государь не мог взглянуть на головы поверженных пиратов была, очевидно, в том, что монарх должен был соблюдать ритуальную чистоту, а смерть и все с нею связанное несло скверну].

25–3. Рассказ о том, как бились Минамото-но Мицуру и Тайра-но Ёсифуми

В стародавние времена в Восточных землях жили два воина, звали их Минамото-но Мицуру и Тайра-но Ёсифуми². У Мицуру было прозви-

¹ Перевод и пересказ выполнен по изданию [3], с использованием [2].

² Он был сыном принца Такамоти, ребенка государя Камму.

ще Мита-но Гэндзи, а у Ёсифуми – Мураока-но Горо.

Будучи воинами, они считали друг друга соперниками и враждовали³. Их вассалы⁴ судачили между собой о том, что эти двое говорят друг о друге, слушали и пересказывали:

– Мицуру о Ёсифуми вот что сказал: «Этот почтенный разве может соперничать со мною! Да если до дела дойдет, что он против меня может? Что за нелепица!» Вот как он говорил!

Ёсифуми это передали.

– Как он смеет так говорить обо мне! И о хваленной крепости его руки, и о большом его уме и достоинстве знают все. Так что если уж ему действительно так хочется, то почему бы нам не встретиться на подходящем поле?

Мицуру это передали, и тот, хотя и был воином с мудрым сердцем и сильным духом, разгневался на эти сплетни, и только больше разжег злобу, сказав:

– Тут уже одними разговорами, верно, ничего не решишь! В таком случае, назначим день и выйдем в подходящее широкое поле, и там ответим друг другу!

Эти его слова передали Ёсифуми, и тот ответил: назначим такой-то день, выйдем в поле. И после этого каждый приготовил войско, чтобы сразиться.

Вскоре настал назначенный день, и оба войска отправились на оговоренное поле, построившись там в час Змеи [с 9 до 11 часов утра]. Каждое из них насчитывало пять-шесть сотен человек. Все были воодушевлены, не думали о

себе и жизни не жалели. На расстоянии около одного *тё* [109 м] друг от друга они поставили на землю свои щиты. Каждая сторона отправила воина, чтобы тот доставил письмо с вызовом. Когда эти воины возвращались, как было установлено, все принялись осыпать их стрелами. Но гонцы не стали торопить лошадей, а, торжествуя оглянувшись на врагов, спокойно вернулись назад – они были отважными воинами.

После этого два войска составили щиты как стену и приготовились стрелять друг в друга, но со стороны Ёсифуми в сторону Мицуру донесли такие слова:

– Если в сегодняшней битве два наших войска будут просто перестреливаться, в этом не будет никакого интереса. Давай мы вдвоем, ты да я, испытаем искусство друг друга. Раз так, давай оба прикажем нашим войскам не стрелять, съедемся только лишь вдвоем и проверим, насколько мы хороши в стрельбе. Что об этом думаешь?

Мицуру, услышав это, сказал:

– Я согласен. Быстро прекратить!

Опустив щит, Мицуру в одиночку выехал вперед, наложив на тетиву «гусиную стрелу». Ёсифуми, услышав его ответ, обрадовался и тоже велел своим вассалам опустить луки и ждать.

– Я поеду один, чтобы выяснить, насколько я хорош в стрельбе. Уважаемые, просто доверьтесь мне и смотрите. А если меня застрелят, тогда заберите тело и похороните, – так он сказал и выехал один из-за щитов.

Наложив «гусиные стрелы» на тетиву, воины поскакали друг на друга. Выпустили по первой стреле. О следующей стреле каждый думал: в этот раз наверняка попаду! Каждый натянул лук и выстрелил на полном скаку. Проскакали мимо друг друга, развернули своих коней, снова натянули луки, но стрелу выпускать не стали, пронеслись галопом друг мимо друга, снова развернули лошадей. Снова натянули свои луки и прицелились.

Ёсифуми выстрелил, целясь Мицуру в живот. Но Мицуру будто бы свалился с лошади, стрела пролетела мимо и попала в ножны его длинного меча. Мицуру, снова развернувшись, выстрелил, целясь в живот Ёсифуми, но Ёсифуми уклонился, и стрела воткнулась в кожаную перевязь для меча у него на поясе.

Быстро развернув лошадей, они снова поскакали друг на друга, и Ёсифуми сказал Мицуру:

³ Японский комментатор считает, что здесь речь идет о том, что они мерялись отвагой и воинским искусством [2, с. 495], то есть их вражда происходила не из какой-то стратегической необходимости, земельного спора, политики и т. п.

⁴ В X–XII вв. в стране сосуществовали две военные системы. Одна из них соответствовала системе кодекса *Тайхо:рё* и предполагала войска центрального подчинения (с механизмом «всеобщего» призыва). Другую представляло воинское сословие: это была система личного подчинения. Воины собирались в отряды, подчиняясь более знатному (и обычно известному своей доблестью и щедростью) воину, затем в свою очередь этот воин мог привести «своих» людей в подчинение к воину рангом выше и т. д. Таким образом выдающиеся представители воинского сословия могли распоряжаться значительной военной силой, но это еще не были феодальные отношения господина и вассала в полном смысле этого слова. Хотя часть аристократов уже имела потомственных «вассалов».

– Мы оба выпустили множество стрел, но без толку. Хотя все эти стрелы летели точно в цель. Раз так, наше искусство видели все. Каждый проявил себя достойно. При этом наша вражда – не из тех, что передаются из давних времен. Может, остановимся на этом? Мы решили наш спор. И, думается, нет необходимости убивать друг друга.

Мицуру, услышав это, сказал:

– И я так думаю. И в самом деле, мы оба показали свое искусство. Хорошо бы на этом остановиться. Раз так, отступим и возвращаемся.

И оба войска отступили и ушли.

Вассалы же их обоих, видя, как господа мчатся друг на друга, все извелись, думая: сейчас застрелит, сейчас застрелит! – так беспокоились, выживет ли, умрет ли их командир, когда сражающиеся схлестнутся. Так страшно, сил нет терпеть! – так они думали. Когда же те постреляли и вернулись, все подумали: удивительно! Но, услышав, как господа договорились, все обрадовались.

Такие воины были в старину. После этого Мицуру и Ёсифуми хорошо ладили, ни капли вражды не было между ними, и делились они друг с другом своими мыслями, – так передают этот рассказ.

25–4. Рассказ о том, как был убит вассал Тайра-но Корэмоти

В стародавние времена наместником края Кадзуса был человек по имени Тайра-но Канэтада⁵. Он был сыном Сигэмоти, младшего брата воина, которого звали Тайра-но Садамори.

В те времена, когда этот Канэтада был наместником в Кадзуса и пребывал в том краю, его сын Корэмоти по прозвищу Полководец-Пятнадцатый-Сын, Ёго-сёгун⁶, жил в земле

⁵ Канэтада служил в разных местах. В том числе был наместником в Дэва. Сигэмоти – сын Тайра-но Куника, который упоминается в рассказе 25–1 и «Записях о Масакадо»: он погиб в одном из конфликтов, в котором участвовал и Масакадо, поэтому Садамори и имел вражду к Масакадо. Сигэмоти вместе с Садамори участвовал в подавлении мятежа Масакадо, но его заслуги отмечены не были.

⁶ «Ёго» означает «Пятнадцатый ребенок». Корэмоти получил такое прозвище потому, что был усыновлен Тайра-но Садамори и стал тому пятнадцатым ребенком: «Он был старшим сыном наместника земли Кадзуса, Канэтады, который доводился сыном человеку по имени Сигэнари [Сигэмоти], временному наместнику земли Мусаси, а тот был младшим братом воина по имени Тайра-но Садамори, наместни-

Муцу и оттуда отцу своему Канэтаде, жившему в Кадзуса, передал: «Давно не имел счастья вас видеть, и коль скоро вы стали наместником и прибыли из Столицы в Кадзуса, я хочу с радостью вас посетить».

Канэтада тоже обрадовался, приготовился и стал ждать, восклицая: когда же?! И вот, слуги в его усадьбе подняли шум, сообщая: гости прибыли к господину! Но Канэтада тогда был простужен, не стал выходить наружу, а лежал за бамбуковыми занавесями, и молодой слуга разминал ему поясницу. Тут-то и явился Корэмоти.

Покуда он, разместившись во внешней комнате⁷, рассказывал обо всем, что произошло за долгие годы, старшие из его вассалов, пятеро или шестеро, вооруженные луком и стрелами, расположились в ряд во дворе перед домом.

Первым среди них сидел человек по прозвищу Таро-но Сукэ. Это был мужчина лет пятидесяти с лишним, рослый и толстый, щеголявший длинными усами, грозный на вид. И при взгляде на него кто угодно сказал бы – и правда хороший воин! Канэтада, его увидев, спросил у человека, разминавшего ему поясницу:

– А вот его знаешь?

Тот ответил, что не знает. Канэтада сказал:

– Он тот, кто некогда убил твоего отца! Ты тогда был еще мал, так что, верно, откуда тебе знать.

Человек же сказал:

– Хотя и шла молва, что отец был убит, кто убил – я до сих пор не знал, теперь же знаю, и вижу его лицо!

На глаза его навернулись слезы, он встал и ушел.

Корэмоти поел и, когда стемнело, отправился в отведенное ему место отдыхать. Таро-но Сукэ, проводив господина, тоже отправился поживать. Там слуги занимались своими делами и перекрикивались, поднося всяческую еду, сласти, сакэ, фураж, сено и прочие разности.

На дворе было темно, как и бывает в последнюю ночь девятого месяца, но там и сям горели факелы. Таро-но Сукэ, покончив с едой, уснул на высоком изголовье. Свой изогнутый

ка в Тамба. Итак, двоюродный дедушка, Садамори, вместе с остальными племянниками и детьми племянников усыновил и его, и этот Корэмоти, поскольку он среди племянников был одним из младших, стал пятнадцатым приемным сыном наместника и получил прозвище Ёго-но кими – Господин Пятнадцатый сын» (рассказ 25–5). Еще о Ёго см.: [5].

⁷ Комната под навесом-хиробисаси.

длинный меч он поставил у изголовья. Сбоку лежали лук, колчан⁸, доспех и панцирь. Во дворе его вассалы с луками и стрелами то и дело вставляли и прохаживались вокруг, охраняя господина. Место, где лежал Сукэ, было окружено плотным пологом в два слоя для защиты от стрел. От огня факелов во дворе было светло, как днем. Вассалы беспрестанно ходили вокруг, и можно было ничегошеньки не бояться. Сукэ проделал долгий путь, очень устал, да еще выпил много сакэ, и теперь беспечно уснул, едва сняв доспех.

Когда тот слуга услышал сообщение наместника – «Этот человек убил твоего отца» – и со слезами на глазах покинул его, наместник подумал: он, верно, просто ушел. А он между тем отправился на кухню, хорошенько наточил лезвие своего короткого меча, сунул его за пазуху, и когда стемнело, отправился туда, где ночевал этот Таро-но Сукэ. Он прислушался: там сновали шумные слуги, разносящие еду и прочие вещи. И этот человек, как ни в чем не бывало, взял поднос, чтобы выглядеть, будто слуга с кухни; так вошел в покои и прижался к раздвижной перегородке. В сердце своем он думал: покарать отцовского врага – дело, которое Путь Неба всякому позволяет. То, что я задумал нынче ночью, я сделаю во исполнение сыновнего долга, так прошу, пусть мой замысел не сорвется! – так он взмолился, и не было человека, который бы догадывался о том, что он там прячется.

Постепенно совсем стемнело, настала глубокая ночь. Человек, которому было известно, где лежит Сукэ, потихоньку к нему приблизился и перерезал ему горло, и вышел торопливо, смешавшись с темнотой, и никто ничего не заметил.

Утром Сукэ не появился, и потому один из вассалов отправился к нему, чтобы позвать его завтракать. Войдя, он увидел, что Сукэ мертвый лежит в луже крови. Вассал, увидев это, поднял шум, причитая «Как же так?!» И другие вассалы засуетились: кто стрелу накладывал на тетиву, кто бегал, вытащив длинный меч, но что уж толку?

Никто не знал, кто совершил убийство, и, поскольку помимо вассалов не было того, кто бы убитого близко знал, решили: искомый человек – один из вассалов. Но, хотя они и подозревали друг друга, пользы от того никакой не было.

– Что за странная смерть постигла нашего господина! Даже звука он не издал, и не мог-

ли мы подумать, что такой жалкой смертью ему придется почтить! А ведь много лет мы были рядом с ним и старались услужить! Даже если иссякла его судьба⁹ – что за злополучная смерть!

Так причитали они, распростершись ниц, и не было конца их плачу.

Корэмоти, услышав это, очень удивился и встревожился.

– Позор мне! Разве мог бы совершить убийство человек, который меня боится?¹⁰ А этот в сердце не имел ни малейшей робости, раз такое совершил! А здесь еще и время странное. Если бы это случилось в моих владениях! А поскольку это было сделано, когда мы прибыли в незнакомую землю, то странно здесь было бы кому-то нас ненавидеть. Впрочем, в свое время этот Сукэ убил одного человека. А сын того убитого – слуга при господине наместнике. Возможно, этот человек и есть убийца!

Так он сказал и отправился в покои отца.

Представ пред наместником, Корэмоти рассказал:

– Человек, который у меня служил, этой ночью кем-то был убит. Поскольку это случилось, когда мы прибыли сюда, то для меня, Корэмоти, это великий позор. Это не преступление чужака. Сукэ когда-то застрелил из лука одного мужчину, который не спешил с коня и не оказал почтения Сукэ. Его юный сын теперь служит у вас. Наверняка это он совершил преступление. Я хотел бы получить дозволение его вызвать и расспросить.

Наместник, выслушав это, сказал:

– Не знаю всех обстоятельств, думаю, может, тот человек это и совершил. Вчера, когда мы были здесь с тобою, а твой вассал был во дворе, у меня болела поясница, и тому юному воину было приказано разминать мне ее, и я спросил его: знаешь вон того человека? Он ответил, что не знает, вот я и сказал: «Он тот, кто убил твоего отца. Узнать такого человека в лицо – удача. Хотя он вряд ли помнит о тебе, и все же это тягостно». Тогда он опустил глаза, тихо удалился и с тех пор не показывался. На-

⁹ Т. е. пришло время ему умирать.

¹⁰ Для воина внушать страх и уважение – не дурное качество, скорее, наоборот. Здесь и в рассказах далее видно, что страх и восхищение идут бок о бок в восприятии обществом воина. Корэмоти воспринимает убийство человека из его свиты как оскорбление его чести. Возможно, наместник думал что-то подобное об отце юноши-убийцы, потому и спровоцировал его на месть.

⁸ *Короку (янагуи)* – разновидность колчана.

счет его отсутствия: он – слуга, который обычно прислуживал мне день и ночь, а со вчерашнего вечера его не видно. Странное дело! А еще вот что подозрительно: прошлой ночью на кухне он старательно точил свой меч. Нынче утром мои люди рассказывали мне о том, что подозревают его. Но для начала скажи: если мы вызовем его и расспросим, и окажется, что преступление действительно совершил он, – хочешь ли ты убить его? Я хочу это услышать, я ведь должен его призвать. Я, Канэтада, хоть и ничтожен, а вы мудры, – я все-таки ваш отец. К тому же, если бы кто-то убил Канэтаду, и был бы убийца из ваших, пусть бы Канэтада и имел перед ним какую-то вину, – не думаю, что ты бы сам обрадовался. Покарать врага отца – разве Путь Неба не позволяет такого дела? Поскольку ты – безупречный воин, человек, который соберется убить меня, Канэтаду, подумает: не будет мне покоя. Если же ты укоряешь Канэтаду за этого человека, который покарал врага своего отца, то ради меня, Канэтады, видимо, никто не надеет траурные одежды!

Так он говорил громким голосом, а потом встал, и Корэмоти подумал: зря я завел этот разговор, – устрасился и тихо ушел.

Бесполезно, – решил он и вернулся к себе в край Муцу. А что до этого Таро-но Сукэ, его вассалы сделали все, что нужно¹¹.

После этого человек, который убил Таро-но Сукэ, появился лишь через три дня, облаченный в черные траурные одежды. Он предстал перед наместником тихо и смиренно, и потому все, кто видел, – от самого наместника и до товарищей по службе, – все были тронуты до слез.

После этого тот юноша прослыл человеком нелюдимым¹², но когда он вскоре заболел и умер, наместник думал, что это очень печально.

Тем не менее, месть врагу отца, даже если он весьма умелый воин, – дело благородное. Больше того: этот человек в одиночку сумел, следуя своему замыслу, покарать человека, которого беспрестанно охраняли его домочадцы, и поистине, это удалось потому, что Путь Неба допускает это. А люди его хвалили – так передают этот рассказ.

25–5. Рассказ о том, как Тайра-но Корэмоти покарал Фудзивара-но Моротоо

[Как и в предыдущем рассказе, в этом главный герой – Тайра-но Корэмоти. Также переходит из четвертого рассказа тема отмщения и

воинской доблести. Со следующим рассказом, на наш взгляд, данный связывает, помимо того, что оба повествуют о выдающихся воинах, тема воинской предусмотрительности, которую в пятом рассказе проявляют сразу несколько персонажей.

Корэмоти повздорил с воином по имени Фудзивара-но Моротоо (он же Савамата-но Сиро, внук Хидэсато, врага Масакадо, упомянутого в первом рассказе. Есть несколько исторических лиц, которые могли бы иметься в виду). Когда дошло до войны, Савамата, у которого войско было меньше, предпочел не принимать сражения и скрылся. Однако затем, когда воины Корэмоти уже разошлись по домам, Савамата напал на его имение и сжег его. Самого Ёго враги посчитали убитым и отправились прочь, по пути остановившись у некоего Великого господина, который, услышав о том, что Савамата разорил дом Ёго, но не захватил его головы, не пустил победителя в свое имение, но дал его воинам еды и сакэ.

Тем временем оказалось, что Ёго выжил, спасся в женской одежде и прятался до прибытия своих вассалов. Вместе с ними он пошел по следу Саваматы, настиг его ничего не подозревающих, уставших и пьяных людей и всех перебил, а затем сжег их дома. Жену Саваматы Ёго вернул ее брату, Великому господину].

25–6. Рассказ о том, как Минамото-но Ёримичу Асон, служивший при наследном принце, подстрелил лисицу

В стародавние времена, когда государь Сандзё-ин был еще наследным принцем [986–1011 гг.] и жил в усадьбе Хигасисандзё, он как-то раз изволил прогуливаться с южной стороны от своих покоев, по западной галерее, и его сопровождали придворные, два-три человека.

В это время на западной стрехе молельни, расположенной на юго-востоке, показалась лисица: лежала там, свернувшись калачиком. Наследному принцу в то время служил Минамото-но Ёримичу Асон¹³. Из-за того, что он, сын вступившего на Путь Тада-но Мандзю¹⁴, был отменным воином, он и служил на этой должно-

¹³ Минамото-но Ёримичу, он же Райко, был известным воином, поэтом и стратегом, служил в том числе в качестве наместника Мино и Иё и в Управлении дворца наследного принца. Умер Ёримичу в 1021 г.

¹⁴ Тада-но Мандзю, он же – Минамото-но Мицунэ, сын Минамото-но Цунэмото.

¹¹ Все, связанное с похоронами.

¹² И грозным, пугающим.

сти при господине, и в свете прослыл грозным воином. В тот день он находился возле принца, который велел подать ему свой лук и стрелу-репу¹⁵ и приказал: эту лисицу на юго-востоке, на крыше, подстрели-ка! Ёримицу же ответил:

– Не стану я стрелять. Если бы кто другой выстрелил – ничего дурного бы не вышло. Но что до меня, Ёримицу, если я выстрелю и промахнусь, стыду не будет границ. А в такую цель я едва ли попаду. В молодые годы, повстречавшись случайно с оленем, я, хоть и не был ловким, бывало, мог его подстрелить. Теперь же я ничем подобным вам услужить не могу, что до цели, подобной этой, сейчас я даже не знаю, куда упадет стрела.

Так он говорил, а сам думал: пока я это говорю, может, она убежит. Но, к несчастью, лисичка, повернувшись мордой к западу, заснула и убежать не собиралась.

Но принц понукал Ёримицу: стреляй, как сумеешь! – и воину было сложно что-то возразить, и потому он взял лук принца, наложил на тетиву стрелу-репу и сказал еще:

– Была бы у меня сила, я бы смог сослужить такую службу. Но для такой далекой цели стрела-репа слишком тяжела. Боевой стрелой, может, и попал бы. Стрела-репа же ни за что не попадет. А стрела, которая упала посреди пути, – еще большая нелепица, чем просто промах. Как же я должен это исполнить?

Так он сказал, но подтянул рукава верхней одежды, подвязав шнурками, и, немного опустив головку лука, наложил стрелу на тетиву, натянул лук до предела, и, выпустив стрелу, сам даже не стал смотреть, куда она полетела. А она поразила лисицу в самую грудь. Лисица подняла голову, перевернулась и вверх ногами упала в пруд. С таким слабым луком, да стреляя такой тяжелой стрелой-репой, даже очень сильный лучник не попадет в цель, стрела наверняка упадет посередине пути. Да и вообще, сбить лисицу выстрелом – редкостное дело! – так думали и принц, и все придворные. Лисица же, упавши в воду, сдохла, и тогда люди ее вытащили и выбросили.

После этого принц, очень впечатленный, немедленно послал за лошадью из государственной конюшни и подарил ее Ёримицу¹⁶. Ёримицу

тогда спустился в сад, принял эту лошадь и поклонился. А потом сказал:

– Этот выстрел не мой, не Ёримицу. Чтобы моим предкам не было стыдно, охраняющие меня боги¹⁷ помогли мне выстрелить.

Так он сказал и удалился.

После этого Ёримицу своим близким, братьям и родственникам, бывало, говорил:

– Не может быть, чтобы я пустил ту стрелу. Это, должно быть, они, боги.

Люди в свете, услышав об этом, очень хвалили Ёримицу. Так передают этот рассказ.

25–7. Рассказ о том, как Фудзивара-но Ясумаса Асон оценил вора Хакамадарэ¹⁸

В стародавние времена жил на свете человек по прозвищу Хакамадарэ, старший воевода среди воров¹⁹. Он обладал храбрым сердцем, большой силой, быстрыми ногами, был искусен и хитроумен, и не было в мире человека, равного ему. Он промышлял тем, что при всяком подходящем случае грабил всех подряд.

И вот где-то в десятом месяце, поскольку ему нужна была одежда, он решил разжиться одежкой. Он бродил в поисках поживы, и вот, примерно в полночь, когда все люди окончательно затихли во сне, под зыбким лунным светом на большой дороге вдруг появился разодетый господин²⁰. Его высоко подвязанные штаны ха-

¹⁷ Не очень понятно, какие именно боги (или бог) имеются здесь в виду. Это может быть родовое божество (*удзигами*), тем более, что речь идет о сохранении чести предков. Может быть – покровитель воинов Хатиман, которому впоследствии поклонялись Минамото как своему родовому божеству. В «Дзиккинсё:» (10-56; тот же сюжет и в «Повести о доме Тайра») есть рассказ о том, как Минамото-но Ёримаса был вынужден стрелять в чудище-нуэ, и точно так же, как Ёримицу, не будучи уверенным в том, что сможет попасть, Ёримаса молился Хатиману (перевод рассказа см.: [7, р. 101–102]). Возможно, и здесь в роли божественного помощника для воина-лучника выступает Хатиман.

¹⁸ Вариант этого рассказа входит в «Удзи сю:и моногатари» (№28).

¹⁹ Атаман. Хакамадарэ (袴垂, буквально – «Сдирающий штаны», «Штанодёр»). Также фигурирует в рассказе 29–19. Уилсон также отмечает, что младший брат Ясумасы был известен как разбойник, хотя в этом рассказе и нет намеков на какое-либо родство между героями (см.: [16, р. 211]). Сомнительно, что речь действительно могла бы идти о родственных отношениях между ними, и в таком случае рассказ принимает совсем иной оттенок.

²⁰ Буквально – «во множестве одежд».

¹⁵ *Хикимэ* – сигнальная стрела с закругленным наконечником.

¹⁶ Лошадь и сбруя к ней вообще нередко выступали наградой воинам за службу.

кама были, похоже, фасона *сасинуки*, а сверху, кажется, на нем был надет изящный охотничий кафтан-*каригину*²¹. Он беззаботно шествовал по дороге в одиночестве, играя на флейте.

Хакамадарэ, это увидав, подумал: «Аварэ! Похоже, вот идет человек, который может снабдить меня одеждой!» Обрадовался и решил: быстро подбегу, повалю его наземь и отниму одежду! Но – странное дело! – этот человек чем-то пугал его, и потому Хакамадарэ прошел за ним два или три *тё* [около 220 м], однако этот человек выглядел так, будто и не заметил, что некто следует за ним. Он шел, все тише играя на флейте, и Хакамадарэ решил опять попытаться – побежал к нему, уже громче топоча. Человек, однако, выглядел так, будто не заметил никакого шума; играя на флейте, он не озирался, так что Хакамадарэ не осмелился напасть и отбежал назад. Он проделал это еще множество раз, и так и этак, но, поскольку человек выглядел так, будто несколько шума не слышит, разбойник подумал: редкостный человек! – и прошел вслед за ним больше десяти *тё* [больше 1 км].

«И все же не оставляю это так!» – подумал Хакамадарэ, и, выхватив меч, подбежал к человеку, а тот наконец-то остановился, обернулся, прекратив играть на флейте, и спросил:

– Ты кто таков?

«Да будь он хоть демон, хоть бог – он совсем один, и гнаться за ним вот так не должно быть настолько страшно, но отчего-то я, – думал разбойник, – растерял все мужество и отвагу и напуган до смерти, и дело не во мне, я сокрушен».

– Кто таков? – еще раз спросил человек

Разбойник решил: «Даже если сейчас попытаюсь бежать, этот человек наверняка меня не отпустит». И ответил:

– Я отнимаю одежду. Имя мое – Хакамадарэ, господин.

А путник сказал:

– Мне приходилось слышать, что есть на свете человек, который так зовется. На редкость опасный парень! Пойдем со мной!

И пошел дальше, как и прежде, снова играя на флейте.

Глядя на то, как держится этот человек, разбойник все больше страшился: это не просто

человек! «Уж не бог, не демон ли забрал меня?» Не зная, что и думать, он шел с этим человеком, а тот вошел в ворота большого дома. И, поскольку человек взошел на крыльцо, не снимая обувь, разбойник понял, что он – хозяин этого дома. Он вошел внутрь, потом вернулся и подождал Хакамадарэ. Пожаловав ему плотную хлопковую одежду, господин сказал:

– Отныне, если тебе что-нибудь понадобится, приходи и говори. Отнимая у человека не понимающего, ты можешь совершить ошибку, – и ушел в дом.

Позже разбойник узнал, что дом этот принадлежит человеку по имени Ясумаса²², прежнему наместнику края Сэццу. Когда Хакамадарэ понял, что это был за человек, то он испытал такое чувство, будто заживо умер. Потом, когда разбойника поймали, он говорил:

– Что за удивительный, необузданный, страшный человек!

Этот Ясумаса Асон не принадлежал к воинскому роду. Он был сыном человека по имени [?]²³. Тем не менее, он ни капли не уступал потомственным воинам, имел храброе сердце, был искусен и обладал большой силой, его суждения отличались тонкостью, и потому даже государь ни разу не имел ни малейшего повода упрекнуть этого человека за его службу на пути воина. Однако в свете он всех пугал и озадачивал, этому не было конца.

Но вот потомков у него не случилось, и люди говорили, что причина всему в том, что он не был из воинской семьи, по стопам предков не пошел, – так передают этот рассказ.

25–8. Рассказ о том, как Минамото-но Ёритика Асон покарал Киёвара-но [?]

[Текст рассказа отсутствует. В дневнике регента Фудзивара-но Митинага есть следующий эпизод, относящийся к 1017 г.: на человека по имени Киёвара-но Мунэнобу напал отряд из

²¹ Охотничье платье с длинными рукавами, в это время было официальной одеждой при дворе. Носилось со штанами *сасинуки*, которые требовалось подвязывать по причине того, что они были весьма длинны.

²² Фудзивара-но Ясумаса (958–1036) – муж Идзумы Сикибу, служил наместником в Хидзэн, Ямато, Танго, Сэццу. В одном из рассказов «Дзиккинсё:» (3-11) он упомянут как мудрый человек, способный с первого взгляда понять, что перед ним другой могучий воин. В этом рассказе он называется в числе четырех величайших воинов эпохи Хэйан, вместе с Минамото-но Ёринобу, Тайра-но Корэхирой и Тайра-но Мунэри.

²³ Фудзивара-но Мунэтада – в тексте его имени нет. Уилсон пишет, что оно известно из других источников.

нескольких всадников и нескольких пехотинцев, и Мунэнобу был убит. Митинага пишет: расспросы показали, что преступление – дело рук Минамото-но Ёритика, который вообще в таких делах хорош и не в первый раз подобное совершает. Причиной поступка Ёритики (лично он участвовал в убийстве или же только приказал его осуществить) было желание отомстить за убитого человека Ёритики. Воина наказали за это убийство, однако Фаррис замечает, что он мог в это время состоять на службе у самого Митинаги, и еще работал на Фудзивара-но Санэсуке [14, р. 175]. Ёритика был младшим братом Ёримицу, героя шестого рассказа, и старшим – Ёринобу из следующих].

25–9. Рассказ о том, как Минамото-но Ёринобу Асон призвал к ответу Тайра-но Тадацунэ

[Этот рассказ есть в «Удзи сю:и моногатари» (№ 128). Минамото-но Ёринобу (он же Райсин, 968–1048 (61) гг.) – знаменитый воин, служил в Хитати, Ивами, Мино, Каи. Отец Ёриёси и дед Ёсииэ. Родоначальник линии Минамото из Кавати, ветви рода Минамото, к которой принадлежали первый сёгун Минамото-но Ёритомо и его брат, знаменитый герой Ёсицунэ (анализ образа Ёринобу в «Кондзюку» см. в: [1]).

В 1028 г. в краю Симоса поднял бунт могущественный воин Тайра-но Тадацунэ. Ёринобу было поручено его усмирить. Укрепление Тадацунэ от войск наместника Ёринобу и его союзников отделял залив. Когда Тадацунэ отказался сдаться, перед наместником возникла трудность: нужно было либо обходить залив (что было бы долго и дало бы Тадацунэ возможность улизнуть), либо переправляться по воде, но Тадацунэ предусмотрительно позаботился о том, чтобы враги не сумели достать судов, необходимых для этого. Воины Ёринобу предложили ему идти в обход, однако наместник вспомнил, что слышал от родных, будто в этой местности, лично ему не знакомой, есть где-то мелкая переправа. Среди его подчиненных после этого нашлись люди, вспомнившие о ней, войско переправилось, и Тадацунэ был вынужден сдаться.

Рассказ завершается на этом, но на самом деле некоторое время спустя Тадацунэ снова принялся причинять двору неприятности: в этот раз усмирять его назначили воинов Тайра-но Наоката и Накахара-но Наримити. Но именно Ёринобу, спустя много лет после его

первой победы над Тадацунэ, привез в столицу голову мятежника].

25–10. Рассказ о том, как Тайра-но Садамити убил человека по слову Ёринобу

В стародавние времена в доме Минамото-но Ёримицу Асон собралось много гостей, они пили *сакэ* и веселились. Младший брат хозяина, Ёринобу Асон, тоже был там. А среди вассалов Ёримицу Асона был воин по имени Тайра-но Садамити²⁴.

В тот день Садамити, прихватив глиняный кувшинчик *сакэ*, уже собирался уходить, когда Ёринобу Асон громким голосом окликнул его, так что все гости слышали:

– В краю Суруга есть человек, зовут так-то и так-то. Он был очень непочтителен ко мне, Ёринобу. Попадется тебе на глаза – постарайся срубить ему голову!

Садамити, услышав это, подумал: «Я служу здешнему господину. А это – его почтенный младший брат, то есть, на самом деле, можно сказать, тоже хозяин в этой семье, но я до сих пор ничем ему не услужил. Правда, о таких вещах ему стоило бы говорить с человеком, кому он доверяет и может поручить подобное. Потом, поскольку я служу здешнему господину, и, как говорят, с ними дружен, я должен услужить ему, но почему было бы не позвать меня и не сказать об этом тайком, почему нужно было перед столькими людьми говорить мне, чтобы я отрубил человеку голову? Что за чепуху он сказал!»

Так Садамити думал, но ничегошеньки так и не ответил.

Прошло три или четыре месяца, Садамити по делам поехал в Восточные земли. О том деле, что говорил ему исполнить Ёринобу Асон, он в тот день подумал: чушь! Потом об этом даже не вспоминал, и в конце концов позабыл.

И вот, когда Садамити был в дороге, он повстречал того мужчину, о котором говорил ему Ёринобу Асон. Придержав лошадей, они мирно беседовали, а что касается приказа, к тому времени этому мужчине самому было о нем извест-

²⁴ Фигурирует в рассказе 29-19. В некоторых источниках упоминается как Тадамити. Тадамити приходился вторым сыном Тайра-но Ёсифуми и был одним из четырех вассалов Минамото-но Ёримицу, которых называли «Четырьмя небесными царями» (Ситэнно:), в честь почитаемых еще в эпоху Нара божественных воинов, защитников буддийского закона и верующих.

но, потому что приказ не был отдан скрытно и само собой все дошло до него. И этот мужчина сказал: было ведь тебе сказано о том-то.

Тут Садамити об этом вспомнил и ответил:

– Ох! Было такое. Хотя я и состою на службе у господина – старшего брата, младшему господину еще не было случая услужить. Но поскольку он велел мне сделать такое дело перед множеством людей и без причины, я подумал, что это шутка, и ничего делать не стал. Кто бы задумал такое? Странное дело!

Так Садамити посмеялся, а тот мужчина сказал:

– Когда я получил сообщение об этом от человека из столицы, я решил: так я и думал! И до нынешнего дня мое сердце билось так быстро. Когда же оказалось, что ты считаешь это чушью, я подумал, что мне повезло! И рад безмерно. Однако, даже если, скажем, тебе показалось бы тяжело послушаться приказа этого господина, и ты решил бы его исполнить, неужели ты мог бы запросто справиться с человеком вроде меня?

Он сказал это с улыбкой, а Садамити стал думать: «Если бы он сказал, что никогда об этом и не думал, или что-нибудь такое, я бы, наверное, никогда не сделал того, что могло бы оказаться ошибкой. А он сказал, что был напуган, поскольку узнал, что попал в немилость, а теперь успокоился и очень рад; когда он должен бы говорить искренние слова, что за негодай может нести такое! Что так, что этак – мне все одно, застрелю насмерть этого типа, срублю ему голову, да и преподнесу господину Кавати²⁵».

Так он подумал, и, приняв решение, стал немногословным, сказал только: «Может быть и так». И проехал мимо.

Немногим после, скрывшись от глаз, Садамити посвятил в свой замысел вассалов, подтянул у лошади подпругу, привел в порядок колчан и все остальное, развернулся и пустился в погоню. Он гнался за тем человеком по равнинам и побережью, чтобы напасть. И вот он пересек лесистую долину, выехал на довольно широкое поле и с громким криком напал. А тот глупец развернулся и говорит:

– Так я и думал!

А на самом деле он решил, что Садамити сказал ему правду, что ни о чем подобном он не помышляет; ехал на сменной лошади²⁶, ослабившись, и потому был застрелен первой же стрелой и полетел с лошади вверх тормашками,

сбитый выстрелом. Когда хозяин был застрелен, его вассалы побежали со всех ног под обстрелом: они бегут, по ним стреляют, всех перебили.

Итак, Садамити отрубил тому мужчине голову, привез ее в столицу и преподнес Ёринобу Асон. Ёринобу обрадовался и выдал Садамити в награду хорошую лошадь под седлом.

После этого Садамити, встречаясь с людьми, говорил:

– Ему просто нужно было проехать мимо спокойно, а он говорил чепуху, потому и был застрелен, а господин Кавати имел основания так о нем думать. Ах, каково величие человека, умеющего отблагодарить!

Люди, услышав это, еще больше боялись. Так передают этот рассказ.

25–11. Рассказ о том, как грабитель захватил сына Фудзивара-но Тикатака в заложники, но был отпущен по слову Ёринобу

В стародавние времена, когда наместник Кавати Минамото-но Ёринобу Асон был наместником Кодзукэ²⁷ и пребывал в том краю, был человек, его молочный брат, которого звали Фудзивара-но Тикатака, младший офицер дворцовой гвардии.

Он был тоже незаурядным воином, и однажды, когда он вместе с Ёринобу жил в том краю, в доме Тикатаки схватили грабителя и заперли, но он каким-то образом освободился от пут и попытался бежать. Однако сбежать никакой возможности не было, а потому этот грабитель взял в заложники сына Тикатаки, ребенка лет пяти или шести, мальчика миловидной наружности, который бегал поблизости. Ворвавшись в кладовую, он бросил ребенка наземь, и, вытащив меч, сидел там, приставив оружие к животу ребенка.

Тем временем, когда Тикатака вернулся в усадьбу, к нему подбежали люди и сообщили:

– Молодого господина взял в заложники грабитель!

Тикатака, перепугавшись, всполошился, побежал туда и увидел, что и в самом деле грабитель находится в кладовой и приставил меч к животу ребенка. Когда он увидел это, у него потемнело в глазах, и он подумал, что ничего невозможно сделать. «Подобраться бы только ближе, я бы отобрал меч!» – думал он. Но

²⁵ Имеется в виду Ёринобу.

²⁶ На запасной, без защитной сбруи лошади.

²⁷ Ёринобу занимал эту должность с 999 г. (см.: [2, с. 523]).

грабитель обнажил большой и ярко блестящий меч, приставив к животу ребенка, и говорил:

– Не приближайтесь! Если только приблизитесь, я его зарежу!

И потому Тикатака думал: «Когда бы он правда зарезал, как и сказал, даже если я потом этого негодяя покрошу на сотню тысяч кусочков, что мне уже с того будет толку?» Поэтому он велел своим вассалам:

– Смотрите, не приближайтесь к нему! Просто сторожите на расстоянии!

Решил: «Пойду доложу наместнику!» И убежал.

Наместник находился неподалеку, и когда Тикатака в страхе и растерянности прибежал к нему, тот удивился и спросил: «Что случилось?» Тикатака же сказал, плача:

– Мое единственное дитя грабитель взял в заложники.

Наместник же усмехнулся:

– Пусть так, но разве стоит из-за этого так плакать? Соберись с духом, как если бы имел дело с демоном или богом. Глупо хныкать, словно малое дитя. Всего-то один маленький ребенок – ну и пускай его зарежут! Хорошим воином становится тот, чье сердце таково. Если думать о собственной жизни или о жене и детях – это принесет лишь дурные плоды. Кто не думает о собственной жизни, не думает о жене и детях, – вот кого зовут бесстрашным. Однако я взгляну, что там делается.

И прихватив только длинный меч, наместник направился к жилищу Тикатаки.

Он встал в дверях той кладовой, где был грабитель, и заглянул туда. Грабитель же, увидев, что это наместник, не стал так горячиться, как с Тикатакой, опустил глаза и крепче прижал меч к ребенку, с таким видом, будто готов пронзить дитя, если кто еще приблизится к нему. Ребенок тогда зарыдал в голос. Наместник, обращаясь к грабителю, молвил:

– Ты взял это дитя в заложники, потому что думал, что так сможешь спасти свою жизнь? Или ты хотел убить дитя? Подумай об этом серьезно и скажи, негодяй.

Грабитель печальным голосом ответил:

– Как я могу думать о том, чтобы убить ребенка? Мне просто было жаль своей жизни, я подумал, что так смогу спастись, лишь потому я схватил молодого господина.

Наместник же сказал:

– О, раз так – бросай меч! Если уж я, Ёринобу, приказываю тебе, ты не можешь не пови-

новаться. Я не стану просто смотреть, как ты собираешься зарезать дитя! О том, каков мой нрав, ты, небось, слышал. Без шуток, бросай меч, негодяй!

Грабитель, немного посмотрев и подумав, сказал:

– Ваша милость, как же я могу ослушаться вашего приказа? Я брошу меч, – и далеко отбросил меч.

Что до ребенка, его он поставил на ноги и отпустил, и тот убежал, припустив со всех ног.

Наместник тогда отошел недалеко, позвал своих вассалов и велел, чтобы этого грабителя привели к нему. Вассалы приблизились, схватили мужчину за воротник, вытащили на передний двор и оставили там. Хотя Тикатака думал зарубить грабителя и выбросить труп, наместник сказал:

– Этот парень проявил милосердие и отпустил заложника. Из-за бедности он стал воровать, и, рассчитывая спасти свою жизнь, взял заложника. Не за что ненавидеть его. Кроме того, когда я велел ему отпустить ребенка, он послушался и отпустил его. Этот парень – человек понятливый. Отпустите его немедленно. А ты, разбойник, если что-то надобно, скажи.

Но, хотя наместник так распорядился, грабитель, заливаясь слезами, ничего не сказал в ответ.

Наместник велел:

– Дайте ему немного еды. Да, раз он уже ступил на кривую дорожку, в конце концов он кого-нибудь убьет. В конюшне среди рабочих лошадей выберите сильную лошадь, положите на нее простое седло и приведите сюда.

И все это ему доставили. Потом наместник еще велел принести простой лук и колчан-ко-року. Когда все это собрали, он дал грабителю колчан²⁸, посадил его на лошадь перед домом, положил в мешок и привязал ему на пояс сушеного риса на десять примерно дней и сказал: «Скорее скачи отсюда прочь». Послушавшись наместника, грабитель ускакал и скрылся.

Даже и грабитель, устранившись единственным словом Ёринобу, отпустил заложника. Когда об этом подумаешь, достоинства Ёринобу как воина не имели ни малейшего изъяна.

А этот ребенок, которого взяли в заложники, позднее, когда стал взрослым, стал монахом на Златоверхих горах²⁹, а в конце концов сделался

²⁸ Позаботившись тем самым о том, чтобы грабителя не убили.

²⁹ Кимпусэн.

учителем таинств³⁰. Имя его было Мёсю. Так передают этот рассказ.

25–12. Рассказ о том, как Ёриёси, сын Минамото-но Ёринобу Асона, застрелил конокрада

В стародавние времена жил воин по имени Минамото-но Ёринобу Асон, бывший правитель Кавати. Прослышав о том, что на Востоке есть человек, имеющий хорошую лошадь, этот Ёринобу Асон послал к нему с просьбой, а хозяину лошади было трудно ему отказать, и эту лошадь отправили к Ёринобу. А по дороге попался конокрад, который увидел эту лошадь и ужасно захотел заполучить ее себе. Он решил ее украсть, тайком последовал за нею, но, поскольку воины, сопровождающие эту лошадь, бдительности не теряли, конокрад не сумел похитить ее по дороге, и так и проехал за ними до самой столицы. Когда лошадь была доставлена, ее поставили в конюшню Ёринобу Асона.

Когда сыну Ёринобу асона, Ёриёси³¹, люди сообщили, что к его отцу сегодня доставлена с Востока хорошая лошадь, Ёриёси подумал: «Эту лошадь попросит какой-нибудь человек, который того не достоин, ему и отдадут. Пока этого не случилось, пойду взгляну сам, и если эта лошадь в самом деле так хороша, – выпрошу себе». И отправился в родительский дом. Хотя шел очень сильный дождь, эта лошадь так заинтересовала Ёриёси, что и дождь ему не мешал. И вот, когда он вечером пришел к отцу, тот спросил сына:

– Отчего тебя давно не было видно?

А потом подумал, что сын, должно быть, слышал о лошади, и пришел ее попросить. И потому Ёриёси еще не успел ничего ответить, а отец и говорит:

– Слышал я, что лошадь с Востока уже была, но сам я еще ее не видел. Человек, который ее послал, говорил, что эта лошадь хороша. Сейчас уже ночь, стемнело и ничего не разглядишь. С утра взгляни на нее, и если придется по сердцу – тут же и забирай.

Ёриёси, которому предложили взять коня еще прежде, чем он успел попросить, обрадовался и сказал:

– Раз так, этой ночью я буду нести у вас ночную стражу, а утром посмотрим, – и остался.

Весь вечер они с отцом вели беседы, а когда совсем стемнело, отец отправился в опочивальню и лег спать. Ёриёси тоже улегся неподалеку.

Шумел дождь, что лил, не переставая, и где-то в полночь, под прикрытием дождя, в дом проник конокрад. Он забрал лошадь, вывел ее наружу и направился прочь. В это время со стороны конюшни слуга закричал громким голосом:

– Вор захватил лошадь господина, которая прибыла прошлой ночью, и ушел!

Ёринобу, смутно расслышавший этот голос³², не пошел туда, где спал Ёриёси, сообщать, что слышал такие вещи, а, раз уж он проснулся, подвернул полы своих одежд, схватил колчан, отправился в конюшню...³³ и поскакал к горам на границе³⁴, в одиночку пустившись в погоню за преступником³⁵. Отец думал: «Мой сын, несомненно, отправится в погоню». А сын думал: «Мой отец, несомненно, изволил отправиться в погоню впереди меня». Не останусь позади, решил он, поторапливая коня. Когда они миновали Кавара, пологий берег реки Камо, дождь прекратился, а небо стало ясным, и они гнались за преступником, все больше поторапливая коней, пока не достигли гор на границе.

А вор тот, оседлав украденную лошадь, думал, что теперь-то сможет убежать. Рядом с горой на границе было место, затопленное водой, и, вместо того, чтобы скакать что есть мочи, вор ехал там неспешно, шлепая по воде. Ёри-

³² Голос слышался слабо: конюшня, видимо, была в отдалении от спальных комнат, так что звук доносился издалека.

³³ Лакуна в тексте. По изданию [2]: «...побежал в конюшню, сам вывел лошадь, положил на нее простое седло и в одиночку на ней поскакал к горам на границе, пустившись в погоню». Кроме того, дальше рассказывается о том, как Ёринобу понял, где искать преступника: воин догадался, что конокрад – человек с Востока, который увидел лошадь по пути и решил украсть, а это подсказало Ёринобу, какую дорогу он бы выбрал [2, с. 528].

³⁴ Граница с Восточными землями.

³⁵ В издании [2] здесь следующий фрагмент: «А Ёриёси тоже услышал тот голос из конюшни и подумал так же, как и его отец, тоже не стал его звать. Он задремал, не снимая дневной одежды, и, проснувшись, как и его отец, схватил колчан и <здесь лакуна, но по тексту очевидно, что Ёриёси сделал то же, что и отец: побежал в конюшню, оседлал лошадь и отправился на ней> к горам на границе, в одиночку пустившись в погоню за преступником» [2, с. 528].

³⁰ Адзари, санскр. ачарья.

³¹ Ёриёси, позже – Вступивший на Путь Иё, умер в 1075 г. или 1082 г., служил в Иё, Кавати, и других местах. Один из сыновей Ёриёси – Хатиман-таро Ёсиизэ.

нобу это услышал, и, хотя из-за темноты он не знал, здесь Ёриёси или нет, он прокричал, как если бы они с самого начала договорились обо всем:

– Стреляй, это он! – и прежде, чем он договорил эти слова, раздалось пение тетивы.

И вместо ответа, как и ожидал, он услышал, как убегает лошадь. Судя по звуку, человека в стремених не было, и Ёринобу, расслышав это, снова закричал:

– Конокрада ты уже застрелил. Поторопись, скажи, заведи лошадь и возвращайся.

И не дожидаясь, пока сын заберет лошадь и приедет, вернулся домой. А Ёриёси поскакал, забрал лошадь, и когда он вернулся, вассалы, которые слышали о происходящем, по одному или по двое встречали его на дороге. Когда они прибыли в столичный дом, два или три десятка человек уже набралось.

Ёринобу, вернувшись домой и ничего еще не зная о том, как все обернулось, поскольку еще не рассвело, опять отправился спать, словно и не уходил совсем. Ёриёси, вернувшись, передал лошадь вассалам и тоже лег спать.

После этого, когда рассвело, Ёринобу вышел и призвал Ёриёси, и не стал говорить ничего вроде «Чудом не украли лошадь. Хороший выстрел!», а приказал, чтобы вывели эту лошадь, и ее вывели. Ёриёси посмотрел на нее, а лошадь и в самом деле была хороша. Так что он сказал:

– Раз так, возьму, пожалуй, – и забрал ее.

При этом, хотя прошлым вечером о том речи не было, Ёриёси получил хорошее седло. Наверное, отец решил так наградить его за то, что застрелил ночью конокрада.

Вот чуткость удивительных людей! Воины обладают такой чуткостью – так передают этот рассказ.

25–13 Рассказ о том, как Минамото-но Ёриёси Асон покарал Абэ-но Садатоо

[Рассказ основан на «Сказании о земле Муцу», посвящен событиям Десятилетней войны (1051–1062) (см.: [12, с. 89–138]).

В Муцу жил могущественный воин Абэ-но Ёриёси, который проявлял неповиновение двору, и Минамото-но Ёриёси с сыновьями Ёсиизэ и Ёсицуной отрядили усмирить его. Абэ попал под амнистию, сменил имя на Ёритоки и некоторое время жил мирно, но затем снова пошел против наместника Ёриёси из-за сына, Садатоо. Абэ Ёритоки умер, но война затягивалась, что

для Ёриёси было невыгодно – его воины страдали от голода и лишений, и, как говорится в рассказе, многие умерли или разбежались. Сжато пересказаны различные яркие эпизоды этой войны, в том числе битва, после которой Ёсиизэ прозвали Хатиман-Таро – Сын бога Хатимана, бога-покровителя воинов. Среди пересказанных эпизодов есть истории, посвященные твердой верности вассалов Ёриёси.

Затем Ёриёси уговорил присоединиться к нему местных воинов из рода Киёхара (в том числе Киёхара-но Такэнори), и тем самым ему удалось добиться успеха. Абэ-но Садатоо и его союзники были повержены, и тот факт, что случившееся угодно божественной воле, подчеркивается эпизодами со знаменем Хатимана].

25–14 Рассказ о том, как Минамото-но Ёсиизэ асон покарал Киёвара-но Такэхиро и других

[Текст рассказа отсутствует. Он был посвящен Второй трехлетней войне 1083–1087; Такэхиро – сын Такэнори из предыдущего рассказа. О событиях Второй трехлетней войны см. «Записи о трехлетней войне в краю Осю» [12, с. 141–170]. В этой войне Ёсиизэ одержал победу, но благоволения двора ему это не принесло. Когда вспыхивал мятеж, двор выпускал соответствующий приказ и назначал ответственного за подавление военачальника, затем с этим указом военачальник мог набирать войско, опираясь на ресурсы государства, а не собственные. Затем, если удалось покарать мятежников, можно было получить награду и повышение в рангах. Не имея же соответствующего приказа, развязывать войну было опасно и чревато санкциями со стороны двора. Так случилось с Ёсиизэ, которого двор обвинил в личной мести Киёхара (потому что, будто бы, Ёриёси во время Десятилетней войны принес им вассальную клятву), и воина не только не наградили, но даже наказали и заставили возместить все налоги, удержанные им на войну (см.: [14]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодама Масаюки. Кондзяку моногатари-ни мизэру цувамоно-но кокоробаэ: Минамото Ёринобу но бааи (Нравы воинов в «Кондзяку моногатари»: случай Минамото Ёринобу) // Журнал эзотерического буддизма. 1993. № 183. С. 66–83.
2. Кондзяку моногатари-сю: (Собрание стародавних повестей) // Син Нихон котэн бунгаку

тайкэй. Т. 36. Под ред. Коминэ Кадзуаки, Ямагути Акио. Токио: Иванами, 1994.

3. Кондзяку моногатари-сю: (Собрание стародавних повестей) // Ятагарасу-наби. Котэн бунгаку дэнси тэкисутокэнсяку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html

4. Кунисаки Фумимаро. Кондзяку моногатари-сю сэйрицу-ко: (Размышления о происхождении «Собрания стародавних повестей»). Токио: Васэда дайгаку, 1962.

5. Мори Кимиюки. Ёго сёгун Тайра Корэмоти-но кисэки (Жизненный путь полководца Ёго, Тайра Корэмоти) // Бюллетень университета Тоё. 2017. № 54. С. 307–328.

6. Повесть о доме Тайра. М.: Художественная литература, 1982.

7. Сборник наставлений в десяти разделах. Рассказы о воинах // Историко-философский ежегодник 2017. М., 2017. С. 94–102.

8. Свиридов Г.Г. Японская средневековая проза сэцува (структура и образ). М.: Наука, 1981.

9. Трубникова Н.Н., Бабкова М.В. Собрание стародавних повестей в оценках исследователей: основные вопросы и трудности // Ежегодник Япония. 2018. Т. 47. М., 2018. С. 162–202.

10. Трубникова Н.Н., Коляда М.С. Воинский взгляд на мир в сборниках поучительных рассказов XIII в. // Историко-философский ежегодник 2017. М., 2017. С. 70–93.

11. Трубникова Н.Н., Коляда М.С. «Собрание стародавних повестей» в традиции японских поучительных рассказов VIII–XI вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 3. С. 35–45.

12. Японские сказания о войнах и мятежах. СПб.: Гиперион, 2012.

13. Buddhist tales of India, China, and Japan: a complete translation of the Konjaku Monogatari-shū by Yoshiko Dykstra. Vol. 1–3. Honolulu: Kanji Press, 2015.

14. Farris, W.W., 1995. Heavenly warriors: the evolution of Japan's military, 500–1300. Cambridge: Harvard University Press.

15. Konishi Jin'ichi, 1991. A history of Japanese literature. Vol. 3. The high Middle Ages. Princeton: Princeton University Press.

16. Wilson, W.R., 1973. The way of the bow and arrow. The Japanese warrior in Konjaku Monogatari. Monumenta Nipponica, Vol. 28, no. 2, pp. 177–233.

REFERENCES

1. 児玉正幸, 1993. 『今昔物語集』に見える「兵ノ心バへ」:源頼信の場合 [The Medieval Japanese warrior's ethics as exemplified by Yorinobu Minamoto in Konjaku Monogatari-shū], 掲載誌 密教文化, no. 183, pp. 66–83. (in Japanese)

2. 今昔物語集 [Konjaku Monogatari-shū]. 新日本古典文学大系. Vol. 36. 東京: 岩波書店, 1994. (in Japanese)

3. 今昔物語集 [Konjaku Monogatari-shū]. URL: http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html (in Japanese)

4. 国東文麿, 1962. 今昔物語集成立考 [On the origins of Konjaku Monogatari-shū]. 東京: 早稲田大学. (in Japanese)

5. 森公章, 2017. 余五將軍平維茂の軌跡 [The life of the General Taira no Koremochi, the 15th son (son-in-law) of Taira no Sadamori], 東洋大学大学院紀要, no. 54, pp. 328–307. (in Japanese)

6. Povest' o dome Taira [The tale of the Heike]. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1982. (in Russ.)

7. Sbornik nastavlenii v desyati razdelakh. Rasskazy o voinakh [«Jikkinshō». Warrior eales]. In: Istoriko-filosofskii ezhegodnik 2017. Moskva, 2017, pp. 94–102. (in Russ.)

8. Sviridov, G.G., 1981. Yaponskaya srednevekovaya proza setsuwa. Struktura i obraz [Japanese Medieval setsuwa prose: structure and image]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

9. Trubnikova, N.N. and Babkova, M.V., 2018. «Sobranie starodavnikh povestei» v otsenkakh issledovatelei: osnovnye voprosy i trudnosti [Konjaku Monogatari-shū in the research: main issues and problems]. In: Ezhegodnik Yaponiya. 2018. Vol. 47. Moskva, 2018, pp. 162–202. (in Russ.)

10. Trubnikova, N.N. and Kolyada, M.S., 2017. Voinskii vzglyad na mir v sbornikakh pouchitel'nykh rasskazov XIII v. [Warrior's world view in Kamakura setsuwa collections]. In: Istoriko-filosofskii ezhegodnik 2017. Moskva, 2017, pp. 70–93. (in Russ.)

11. Trubnikova, N.N. and Kolyada, M.S., 2018. «Sobranie starodavnikh povestei» v traditsii yaponskikh pouchitelnykh rasskazov VIII–XI vv. [Konjaku Monogatari-shu in the Japanese didactic tales tradition of VIIIth – XIth centuries], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 3, pp. 35–45. (in Russ.)

12. Yaponskie skazaniya o voinakh i myatezhakh [Japanese tales about wars and rebellions]. Sankt-Peterburg: Giperion, 2012. (in Russ.)

13. Buddhist tales of India, China, and Japan: a complete translation of the *Konjaku Monogatari-shū* by Yoshiko Dykstra. Vol. 1–3. Honolulu: Kanji Press, 2015.

14. Farris, W.W., 1995. *Heavenly warriors: the evolution of Japan's military, 500–1300*. Cambridge: Harvard University Press.

15. Konishi Jin'ichi, 1991. *A history of Japanese literature. Vol. 3. The high Middle Ages*. Princeton: Princeton University Press.

16. Wilson, W.R., 1973. The way of the bow and arrow. The Japanese warrior in *Konjaku Monogatari*. *Monumenta Nipponica*, Vol. 28, no. 2, pp. 177–233.